

Роман
Матроскин

Морские
КОТИКИ

Крысобои не писают в тапки!

ДЕТЕКТИВ, где кошки умнее людей!

Остросюжетный КОТектив

Роман Матроскин

**Морские КОТиКи. Крысобои
не писают в тапки!**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матроскин Р.

Морские КОТики. Крысобои не писают в тапки! /

Р. Матроскин — «Эксмо», 2017 — (Остросюжетный КОТектив)

ISBN 978-5-699-95004-1

Легендарному котективу Ричарду снова приходится сунуть свою наглую усатую морду в чужие делишки, чтобы вынюхать нужные секреты. На этот раз он оказался на морском круизном лайнере вместе с пушистой братией и их двуногими хозяевами-артистами, плывущими на фестиваль талантов. Ричард влюблен в шикарную кошку Афины, которая готовится выступить в программе нестандартных танцев. Но, как назло, у ее хозяйки кто-то похищает свирель, под звуки которой Афина и должна была танцевать. Номер под угрозой срыва. Афина в шоке. Теперь вся надежда только на чуткий нюх, тонкий слух да острое зрение Ричарда. Чтобы выйти на след злоумышленника, ему придется спуститься в трюм судна, где обитают коты-крысобои. А с этими парнями когти надо держать наготове...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95004-1

© Матроскин Р., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава первая,	10
Глава вторая,	13
Глава третья,	16
Глава четвёртая,	20
Глава пятая,	23
Глава шестая,	25
Глава седьмая,	27
Глава восьмая,	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роман Матроскин Морские КОТиКи. Крысобои не писают в тапки!

© Волков Р., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие

14.04.2016

18:00

Москва

Библиотека имени Лермонтова

Мне кажется, этого момента я ждал всю свою жизнь. Да – это презентация моей книги, моей «нетленки», написанной кровью, потом и слезами.

Звучит немного пафосно, и вы, читая эти строки, наверняка улыбнётесь: какие могут быть слёзы, какая кровь, какой пот?! Да мы, когда на даче картошку копаем, больше потеем, чем ты со своими «нетленками»!

Тем не менее это всё правда. Я бы мог показать вам разбитые в кровь кулаки, когда я от отчаяния и творческой пустоты дубасил по кафельной стенке. Или капли пота, которые капали на мой блокнот с набросками, когда мысль упрямо не шла и не рождалась, а слёзы... Их вы можете увидеть в каждой строчке и каждой букве. Похоже, вся книга была написана слезами.

Ну да, опять звучит помпезно. Но я и вправду помню, как сидел один на подмосковной даче своей прекрасной дамы (она снова уехала закупать сырьё для своей фабрики куда-то в Азию), и мне казалось, что вся жизнь кончена. Тогда я снова вырывал листки из блокнота и швырял их в огонь.

Было понятно – никто в меня не верит и никогда не верил... Только мой кот, старый добрый Ричи, сидел у моих ног, тёрся об меня своим толстым пушистым пузом и мурлыкал, хотя я его даже не гладил.

Ричи, Ричи! Мой верный мистер Кот, ты своим присутствием помогал мне писать эти котективы, которые я никогда не считал настоящей литературой, но их почему-то любили, хотя я-то знал, что создан совсем для другого. Для великих книг, а не этих поделок...

Я уходил и возвращался, поднимался и падал, и наконец книга – главная цель моей жизни, да и вообще вся жизнь моя – была написана.

Издательство, в котором я публиковал свои котектитвы, мне сразу отказало: не продастся. А мой литературный агент сказала, что эта вещь может стать известной, но, скорее всего, её никто не поймет – настолько сильно она написана. «Нишевая», «фестивальная», «субкультурная» работа, – добавила она. – Но денег ты с неё не заработаешь, разве что Нобелевскую премию получишь». – «Деньги – грязь, – ответил я ей, – мы работаем только для того, чтобы изменить мир». Она улыбнулась, и мы подписали договор. 20 процентов от гонорара уходило ей, а поскольку гонорара не было, эти 20 процентов аванса мне пришлось платить из своего кармана. Впрочем, мой карман тоже давно был пуст. Эти деньги дала моя прекрасная дама, и глаза её при этом светились от счастья. А мне было стыдно, как никогда в жизни.

Так вот, презентация моей «нетленки» состоялась, конечно, не в книжном магазине «Москва» на Тверской и не в Доме книги на Новом Арбате, а в читальном зале Библиотеки имени Лермонтова.

И сейчас я сижу в раздевалке среди замызганных грязью курток, пью пакетированный чай из кружки с отбитым краем и жду своего выхода. Очень хочется добавить в чай пару капель коньяка, но это будет большой ошибкой. Потом, после выступления.

Библиотекарша сказала, что народу пришло больше, чем они ожидали. И пришёл настолько важный человек, что, когда я узнаю об этом, я просто буду прыгать от восторга. А триумфа, радости и восторга почему-то нет, есть бесконечная усталость и опустошён-

ность. Ощущение, как будто я боксёр, который безнадежно проиграл свой бой, но почему-то должен стоять на ногах, держать рефери за руку и смотреть, как объявят победителем другого, а не меня. Такие правила игры.

И Ричи сидит у меня в ногах, свернувшись на чьей-то растерзанной сумке, и не мигая смотрит мне в глаза, как будто всё понимает.

То есть он, конечно, в самом деле все понимает, просто не знает, каково это – быть писателем, который ровно через 2 минуты пойдёт на презентацию своей первой настоящей книги.

Всё, пора, спасибо, Рич, снова со мной только ты один, я иду...

«Триумф разорвавшейся тишины»

«Литературная газета»

14 апреля 2014 года

Презентации книг молодых писателей – мероприятие обычно унылое. Приходят на него репортёры заштатных малотиражек, блогеры-«десятитысячники» и потёртые тусовщики. Не было исключением и это мероприятие – презентация книги известного автора кошачьих детективов, который решил себя попробовать в фундаментальной современной прозе.

Никто не мог поверить, что автор текстов про хвостатых пушистиком способен написать что-то серьёзное, поэтому большинство литературных критиков проигнорировали это мероприятие. Однако в какой-то момент просочилась инсайдерская информация, что к изданию книги приложила руку знаменитый литературный агент, которая выковала многих на небосклоне современной литературы, и это заставило меня призадуматься. Когда я узнал, что на мероприятии будут присутствовать несколько известных мастодонтов литературной критики и даже знаменитый главный редактор одного зарубежного издательства, то понял, что должен быть там!

И знаете, нисколько не пожалел об этом. Тонкий, нервный писатель был похож на тех революционеров, которые меняют «лицо» жизни. Говорил он заикаясь и срываясь в голос так, что всем нам внезапно стало стыдно. Кто мы, что мы делаем и кого пришли судить? Прочитанные строчки из его полуавтобиографического произведения заставили нас сначала съёжиться, а потом раскрыться, как устричные раковины.

Прекрасная, точно сошедшая с картин Рафаэля, женщина, сидевшая на первом ряду, рыдала, не сдерживая слёз. После громовых оваций она подошла, обняла писателя и крепко его поцеловала. Я понял, что настоящая любовь существует. Затем откуда-то издали выбежал толстый чёрный кот с белым пушком на груди и, подпрыгнув к писателю на руки, принялся лизать его прямо в лицо. После отзывов критиков мы поняли, что увидели зарождение новой звезды на литературном небосклоне.

Уже очевидно, что за этот небольшой текст, купленный одним небольшим издательством, будут бороться гиганты российского и, конечно, зарубежного книгоиздательства. Когда я увидел одного из владельцев международного концерна, базирующегося в Китае, то не поверил своим глазам – оказывается, даже титаны бизнеса заинтересовались нашим писателем!

Мы поздравляем не только автора, но и нас самих, всю Россию и весь мир с тем, что скоро мы увидим настоящего писателя, который изменит нашу скучную, серую и бессмысленную жизнь. Это был тихий и безмолвный эффект разорвавшейся бомбы. Бомбы, которая наконец-то исправит весь наш мир и создаст его чистым, новым и правильным.

Александр Боев, спец. корр.

Поздравляю, великий писатель!

Теперь я со всем основанием могу тебя так называть! Я всегда верила в тебя. Даже тогда, когда мы встретились в Праге и ты, смешно вспомнить, притворялся олигархом... Я сразу поняла, кто ты на самом деле – как только ты начинал читать мне стихи. Как ты тогда преображался и превращался в прекрасного рыцаря, в печального странника, в ослепительного воина... Видишь, ты сам научил меня говорить как поэт.

Знаешь, я всегда, с самого начала, знала, что всё у тебя получится. Что ты всего добьёшься и всем докажешь. Что ты выносишь, создашь, сотворишь свою «нетленку», как ты её называл. И ты это сделал. Да, отступал, падал, бежал и снова возвращался, и я, как могла, помогла тебе. Прости, если мало – в конце концов, я не гений, я всего лишь обыкновенная женщина.

Тебе будет тесно со мной, великий писатель. Я не могу тебя держать. Тебе надо идти дальше, творить, изменять мир своими «нетленками». Моя дача – в твоём распоряжении. Ты можешь делать там все, что хочешь (даже водить женщин, если это тебе понадобится для вдохновения), только, пожалуйста, осторожнее с камином. И с алкоголем тоже. Я знаю, что Джон Ячменное Зерно или Иванушка Пиеничкин – это твой верный друг и помощник, но, помнишь, я всегда говорила, что он может тебя предать.

А я тебя не предаю. Мне правда нужно уехать в Китай – по бизнесу. Надолго. Может быть, очень надолго. А господин Лю – это просто партнёр, ничего такого не думай.

И не думай обо мне.

Думай о своих «нетленках».

Я в тебя верю.

Удачи, великий писатель!

от: DG

дата: 21 апреля 2015 г., 13:24

тема: Re: по поводу работы

отправлено через: gmail.com

Здорово, писатель!

Наслышаны, наслышаны о твоих успехах. Поди зазнался на своем литературном олимпе, забываешь нас – старую гвардию, твоих оловых дружанов, с которыми выпил не одну бочку!

Я тут разобрал почту и нашёл твоё письмо двухгодичной давности, где ты просишь помочь с работой. Сорри, тогда не ответил, реально – был завал. Да и в любом случае никакой работы не было, меня тогда тоже выперли из рекламного агентства.

Дальше там была куча приключений, а вот сейчас открыл небольшую диджитальную компанию, и дело как-то пошло.

Занимаемся и креативом, и производством, и стратегией с аналитикой. С нами теперь Димка Ульянов (тоже из нашей бывшей команды, может, помнишь его) – так вот он притащил европейских клиентов. Потом завербовали Майка Гибсона, он тоже сидел на мели. Прикинь, сам Майк Гибсон с нами!

Именно Майк посоветовал нам перевезти всю команду на Кипр. Тут проще с налогами, ну, и дешевле, чем в Москве. Первая партия бойцов уже переехала, я пакую вещи.

Так вот, нам нужен спец по пиару. Я как-то сразу вспомнил про тебя. Если ты ещё не совсем чокнулся на почве литературы – буду рад видеть тебя в нашей команде.

*Твой друг,
ДГ*

Глава первая, в которой пришло время разбросать собранные камни

Августовское солнце гоняло в саду жёлтых зайчиков по высохшей траве. Было душно, словно собиралась гроза. Ричи выглянул за дверь и вздохнул: погода была такая же давящая и мрачная, как и настроение дома.

А в доме было непривычно пусто и тихо. Никто больше не звал его, Ричи, чтобы пробежаться до соседского забора и посмотреть на забавных котят, никто не мурчал ему вечерами у камина, не сопровождал в ночных прогулках по крышам. А его «двуногий» и вовсе зачих без внимания.

Ричи прошёл в комнату. Теперь тут было довольно грязно и неудобно. На полках остались четкие следы: вот здесь что-то лежало, а теперь – пустое место, чистый квадратик на запылённой полке. В шкафу опустела часть полок, откуда-то выглядывал одинокий носок «двуногого». В углу, где привычно стояла переноска Маси, навалился на стену неуклюже приткнутый «двуногим» фикус.

Дача казалась чужой и нежилой. Ричи снова вздохнул и побрёл на кухню. Там было ещё тоскливее: сиротливо жалась в углу его собственная миска, а Масиной мисочки рядом не было.

Весь этот бардак продолжался уже третью неделю. Все произошло как в дурном сне: какие-то разговоры «двуногих» на повышенных тонах, частые одинокие поездки куда-то красавицы-«двуногой»... Мася не рассказывала, что происходит с её подопечной, но была невестёлой и непривычно молчаливой. Ричи никак не мог разговорить её и в конце концов оставил эти попытки. А потом однажды «двуногая» взялась собирать чемоданы. Она что-то говорила про то, что собирается куда-то по работе, но без всяких подробностей – просто долгая командировка.

Ричи мрачно поддел лапой кусок луковой шелухи на полу. Тот улетел под стол, но котективу не хотелось вытаскивать его оттуда. Если бы можно было что-то сделать с его воспоминаниями так, как с шелухой: запулить куда подальше, чтоб и не видеть, и не вспоминать, а потом на большой уборке вынести с остальным хламом куда-нибудь подальше!..

Когда «двуногая» собрала свои и Масины вещи, стало ясно, что это не временный кризис. Мася просто молчала. «Двуногая» даже не попросила довести их до аэропорта: просто не надо, и всё.

Ричи и «двуногий» проводили кошку и её «двуногую» до такси и даже не поцеловались на прощание. Котектив кинул последний взгляд на Масю, но та отвернулась. Все, в общем, было понятно и без слов: где-то там «двуногую» наверняка встречает новый партнёр с новым котом.

Ричи не мог понять, что произошло. Лето так чудесно начиналось, дела шли замечательно, горизонт был ясен. Детективная работа шла как по маслу, все препятствия исчезали сами собой. У «двуногого» наконец сложилось с «нетленкой». И тут такое – ни с того ни с сего. «Двуногий» тоже, определённо, не ожидал такого развития событий – он был подавлен и мрачен. Несколько дней не появлялся дома, а затем пришёл в порванном пиджаке, снова со здоровенным фингалом под глазом и запахом перегара. И после этого ни словом не упоминал «двуногую», словно её и не было, и делал вид, что всё в порядке.

Ричи тоже старался не подавать виду, что у него на душе скребутся мыши. Как мог, он подбадривал «двуногого», а тот – котектива. Они почти не выходили из дома, не общались со знакомыми и соседями, а когда те заходили, сообщали сухо: Мася и «двуногая» уехали по работе. Без подробностей. Знакомые пожимали плечами, но особо проницательные догадывались о том, что что-то пошло не так, и старались помочь в холостяцкой жизни. Соседка изредка приносила «двуногому» домашние котлеты – мол, у неё слишком много получилось, она сама

не съест. Пару раз забредал Лыжин, показывал своего котёнка, приносил пиво для «двуногого» и свежую рыбку для Ричи.

Соседские кошечки поглядывали из-за забора, но котектив был суров и на их заигрывания не реагировал. Зато пара старых знакомых иногда забегала рассказать о том, что творится в мире, у кого новая невоспитанная собака, где новые жильцы развели кроликов, а то и предлагали пройтись к обнаруженным у речки кустикам кошачьей мяты и валерьяны. Последнее, впрочем, Ричи отметал как недостойные котектива варианты расслабления.

Он развернулся и снова побрел в сад. «Двуногий» попался ему навстречу на ступеньках. – Ну что, мистер Кот, грустишь? Да не стоит оно того, – почесал он котектива за ухом.

Ричи в ответ муркнул неразборчиво – мол, да не то чтобы грущу, просто настроения нет, и тряхнул лапкой.

– Погода противная, это да, – кивнул «двуногий». – Ничего, скоро дождик пройдет и легче станет. У меня вот голова весь день болит. Пойдём, посидишь со мной?

Ричи развернулся и пошёл со своим компаньоном обратно в комнату. «Двуногий» уселся в кресло и вытянул ноги. Кот устроился на подлокотнике.

– Знаешь, я всё это время размышлял и понял, что всю жизнь занимаюсь не тем. Просто не тем. Вечно бьюсь головой об стену, которую пробить мне ни за что не удастся. У меня всегда отлично получалось именно то, чего я не хотел. Я не хотел ходить в офис, не хотел заниматься бизнесом, а любил искусство. Ну, и вот она, моя «нетленка», – взял он с тумбочки книжку, – а толку-то? – «Двуногий» помахал в воздухе томиком и, раздражённо бросив его обратно на стол, продолжил: – И вот судьба уже прямым текстом говорит, мол, прекращай этой дурью маяться. Куда уж яснее намёк, правда, Ричи? Пора менять всё и меняться самому. Вот-вот наступит осень, а я решил устроить себе новый учебный год. Понимаешь?

Ричи внимательно следил за «двуногим».

– Конечно, понимаешь... Так вот, пора начинать новую жизнь. Новый год. Кстати, наши далёкие предки праздновали Новый год именно осенью. Действительно, урожай уже собран, понятно, кто как поработал весной и летом, можно в прямом смысле пожинать плоды. Какие-то итоги получены, теперь – время обновления, переработки полученного опыта и запасов. Было время собирать камни, а теперь пришло время разбрасывать. Время обновляться, анализировать, понимать и вставать на новый путь.

«Двуногий», а так рассуждать научился, – отметил Ричи. – Что переживания с людьми делают...» Котектив перебрался к хозяину на колени, показывая, что он поддерживает его начинания.

– Так вот, мистер Кот, я решил вернуться к тому, что у меня всегда хорошо получалось. Удавалось легко и удачно. Я собираюсь вернуться в дело. В бизнес. К чёртовой бабушке всё это искусство! Искусство-фигуство. Чего оно мне стоило? Попорченные нервы, седина в голове, только беса в ребре что-то не чувствуется. Никакого самоудовлетворения, даже радости уже никакой. Бился головой в стену, разбил себе лоб – и всё. Уйду в пиар. С рекламой у меня всегда складывалось, она выстреливала, работала – значит, это моё настоящее призвание. Я могу и умею это делать, я знаю ходы, у меня ещё сохранились старые контакты. Займусь съёмками, продюсированием. Только не креативом – хватит с меня этой креативности, сыт по горло! – «Двуногий» снял Ричи с колен и возбуждённо вскочил с кресла. – Понимаешь, мистер Кот, я тратил своё время впустую. Всё это время потрачено на бессмысленный сизифов труд, который никому не был нужен и оказался не нужен никому. Даже мне. Тем более – мне! Столько времени улетело в трубу!.. Столько нервов потратил, столько эмоциональных метаний – всё попусту! Но теперь-то я не позволю так издеваться над собой.

«Интересно, о ком это он сейчас?» – подумал Ричи.

– Я буду чувствовать себя нормальным человеком, а не бесконечно упорным неудачником и бездарностью! Теперь, старик, начнётся новая жизнь! – «Двуногий» подхватил пакет с

двумя десятками авторских экземпляров «нетленки» и швырнул его в камин. – Да гори оно всё синим пламенем! Пора менять жизнь, Ричи! Что мы забыли в этой дачной дыре?

Кот неопределённо махнул хвостом. Ему было безразлично, оставаться здесь или ехать куда-то еще: интересных дел в деревне не было, привычная обстановка давила пустотой, но и менять её не слишком хотелось. Но раз «двуногий» предлагает, почему бы и нет?

– Сегодня же едем, Ричи! Димон меня зовёт пиарщиком. На Кипр. Помнишь Димона?

Котектив помнил высокого симпатичного «двуногого» из тех старых-старых времён, когда все ещё были молодыми и счастливыми.

– Я почти собрал чемоданы. Соберись и ты – через пару часов укатим отсюда. Думаю, тебе нужно попрощаться с дачными друзьями, не правда ли?

Ричи утвердительно махнул хвостом и выбежал из комнаты. Надо бы кому-то сообщить, что он уезжает... На улице котектива внезапно захватила волна энтузиазма «двуногого». Действительно, почему бы и нет? Впереди столько интересного и неизведанного! Мир огромный, нет никакого смысла запирает себя в этом уголке, где все всех знают и событий происходит ровно два в неделю: когда приезжает почта и когда собирается ярмарка. Большой мир! Много новых котов, «двуногих» и прочих животных!

Он заглянул в садик соседки и вкратце объяснил кошечке, что сегодня уезжает. Та охнула:

– Но как же так? Так быстро?

– А чего время тянуть? – залихватски подмигнул Ричи. – Слишком мы тут влипли в болото. Пора развеяться.

– Да, понимаю, – вдруг кивнула соседка. – Мне тоже кажется, что тут всё так застоялось и заглохло. Люди начали разъезжаться, скука. Я бы тоже уехала, будь моя воля. Но пока... – Она не договорила, выразительно взглянув на Ричи.

«Ну и ну, – подумал котектив. – А я всё это время не замечал её. Может, надо будет попрощаться чуть дольше», – и продолжил рассказ о преимуществах большого мира.

Ровно через два часа, когда солнце в пыльной тёмно-серой дымке клонилось к закату, а на зенит напоздали тёмные тучи, Ричи прибежал к дому. «Двуногий» уже собрался и курил на крыльце трубку.

– Вот и ты! Я уже заждался и начал бояться, что ты захочешь остаться.

Ричи успокаивающе потёрся о его ногу, давая понять, что на такое предательство он не способен.

– Ну и славно. Я собрал твою переноску и твои вещи, вышел всего-то один чемодан. Немного я нажил, – усмехнулся «двуногий». – Посмотри, не забыли ли мы чего, и поехали.

Ричи обошёл дачу в последний раз: ничего нигде не было оставлено, камин потушен, свет выключен. Он быстро выбежал из дома, который своей теперешней пустотой уже и вовсе пугал его.

– Поехали, Ричи! – крикнул из машины «двуногий».

Котектив запрыгнул на штурманское место. «Двуногий» выехал со двора, запер за собой ворота и неспешно выкатился на деревенскую дорогу, а дальше, всё ускоряясь, доехал до шоссе. Как только он вырулил на трассу, хлестанул ливень. Далёкая гроза загромыкала где-то в полях, в открытое окно ворвался прохладный ветер с каплями дождя.

– Ну что, Ричи, вперёд, на свежий воздух!

Глава вторая, в которой на сцене появляются первые артисты

Вот только уехать сразу и насовсем получается только в фильмах. На практике же всегда выходит гораздо дольше. Никто пока не придумал, как сделать монтаж в реальной жизни, поэтому часто куда важнее сохранить настрой на какой-то период, чем единожды собраться с силами и принять решение.

Да, это было очень важно для них двоих – перечеркнуть прошлое. Решиться. Быстро собрать чемодан, быстро сесть в машину и выдать педаль газа, дождём размыв за собой дороги к возврату. В хорошем сценарии дальше был бы самолёт, солнце, шум прибора. В жизненном сценарии неизбежно появляются мелкие препятствия и проволочки, особенно у «двуногих».

Ричи никак не комментировал и старался не показывать «двуногому» своего скепсиса. Он правда любил этого бестолкового человека и не хотел его расстраивать. Тем более что момент был важный и для него самого. Он-то, наученный детективной жизнью, ожидал и закладывал небольшой коэффициент просрочки из-за непредвиденного развития событий. Всегда есть непредвиденное, и этот случай не стал исключением.

Получить работу в другой стране, как оказалось, не значит просто договориться со старым другом и отправить скан подписанного контракта по электронной почте. Совсем нет. «Двуногие» придумали себе кучу ограничений – границы, государства, законы. Ричи знал, что нет иного закона, кроме нравственного в нём самом. И с рождения, внутришкурно, это знал каждый кот, а сформулировал доступным языком известный котофилософ в прошлом веке. Нет иного закона и иных правил, кроме тех, что ведут кота по пути морали. «Двуногие» до этого ещё просто не доросли. Там, где можно быть совершенно свободным, они сами себя загнали в рамки правил. Поездка в другую страну требует кучи бумажек, бюрократических процедур – от разрешения на работу и оформленной визы до общения с консульским центром.

Слишком много проволочек, чтобы всё получилось и чтобы полностью ощутить лёгкость принятого решения. Ричи стал серьёзно волноваться, не сдуется ли его писатель, не дрогнет ли духом? Однако через пару дней Ричи с облегчением понял, что зря волновался. Слишком решительным был отказ от прошлого как для него самого, так и для его человека. Теперь остановиться и отступить просто невозможно.

Затем была поездка на скоростном поезде до аэропорта, досмотр, какие-то бумажки, разговоры с сотрудниками аэропорта. Ричи позволил писателю договориться о месте в салоне. Выяснилось, что в огромном салоне одновременно не могут находиться коты и собаки. Тут котектив мысленно похвалил «двуногих» – хоть немного, но соображают.

Зато маленьких собак, которые и не собаки вовсе, а по уровню интеллекта вообще еле подошли даже к черепахам или людям, позволялось везти в салоне. Вот это было явно лишнее. Однако глупость на этом не заканчивалась! Если место для полёта было зарезервировано котом, то собаке лететь нельзя. А вот если первым полёт забронировала собака, то в салон не пускали кота. Это было просто неслыханно! Ричи негодовал и не стеснялся в выражениях, пока не понял, что и его «двуногий» негодует, и нагнетать атмосферу – значит только откладывать решение вопроса.

Путешественникам повезло, на этом рейсе собак не было вообще, но сам факт подобного отношения возмутил.

За время полёта негатив сошел на нет. Все-таки летать – это здорово. Потому коты и любят высоту и великолепные прыжки. Для некоторых смельчаков эти прыжки бывают порой последними в жизни, но всё кошачье сообщество к таким экспериментаторам относится с вос-

хищением. Кто знает, а вдруг какой-то самый храбрый кот, рванувшись за птичкой с балкона многоэтажки, расправит лапы, напряжёт хвост и взлетит в самые облака...

Взлёт, гул, маленькие домики внизу, облака и безграничная небесная синь. Ричи полёты нравились, хотя летел он всего третий раз в жизни, но мнение сложить уже успел.

Писатель же высоты не боялся, но всё равно, когда самолет закладывал крутой вираж, крестился и прикладывался к маленьким бутылочкам, которыми забил карманы своего пиджака.

Что дальше? Вот дальше могло быть страшно. Дело в том, что «двуногий» решил осуществить свою давнюю мечту и купил билет до Салоников, а дальше собирался отправиться в порт и доплыть до Кипра на пассажирском теплоходе.

Вода – это совсем не то, что воздух. Да и вообще под конец вдруг стало как-то грустно и тоскливо. Но пути назад уже не было да и быть не могло.

Путешественники гладко приземлились, получили нехитрый багаж – чемодан на колёсиках и большую спортивную сумку – и вышли из аэропорта под греческое солнце.

Ричи сохранял бесстрастный вид, но давалось ему это с трудом. Было жарко. А может быть, это была обжигающая новизна чужой страны. В своей переноске котектив не находил покоя. Вообще он любил переноску. Мягкая, удобная подстилка и тёмное замкнутое пространство отгораживали от внешнего мира и стимулировали мысли, позволяли сосредоточиться на деталях, которые обычно ускользают от поверхностного восприятия. Такое состояние кот очень любил, своего рода медитация без дополнительных усилий – эдакая маленькая камера самадхи, только для размышлений.

Но в этот раз размышления почему-то не шли, лежать в переноске было практически невыносимо – жарко, муторно, сложно. Сквозь тонкую матерчатую решётку Ричи рассматривал дорогу, людей, местность, подмечал детали, анализировал.

За границей он был лишь один раз – в Праге на выставке, где познакомился с Масей. Тогда, в той поездке, всё было понятно и естественно. Может быть, дело было в Месе и его чувствах к ней, затмивших все иные впечатления, а может, в том, что Прага понятна для жителя России. Она такая же, как Москва, только немного другая, и коты, и люди в ней понятны и чем-то даже близки по духу.

А вот в Греции всё было по-другому. Кошки и люди были другие, природа другая, даже воздух отличался от привычного.

Жаркое солнце хоть и сушило землю, деревья, стены домов, но оставляло при этом ощущение внутренней наполненности окружающего мира. Всё вокруг было какое-то яркое и сонное одновременно. Казалось, сама природа утомилась, но, скорее, довольной усталостью и негой.

Ричи размышлял над тем, что такая двойственность присуща котам. Под их пушистой шкуркой прячутся мускулы, под кажущейся сонностью скрываются мощный интеллект и работа мысли. Однако окружение, природа, даже «двуногие» тоже очень важны. Климат меняет естество, этому, кстати, подвержены и «двуногие», и совсем низшие существа. Проведя всю жизнь в России, Ричи привык и реагировать иначе, вести себя чуть более «северно». Здесь он чувствовал себя не вписывающимся в этот сонный, разомлевший ритм, а потому внимательно смотрел по сторонам.

На такси они с «двуногим» доехали до порта и стали ждать свой теплоход «Агиа Елени». Писатель, листая рекламные буклеты, открыл переноску, но Ричи предпочёл не выходить из своего мини-дома. Оставаясь практически невидимым, он рассматривал людей в порту, ведь часть из них станет их попутчиками в морском круизе до Лимассола.

– «Агиа Елени» – это Святая Елена! – начал лекцию писатель, прикладываясь к чашке кофе, куда он до этого вылил лошадиную порцию коньяка. – Смотри-ка, что пишут! Оказывается, на Кипре к началу четвертого века случилась страшная засуха, в результате которой

развелось огромное количество змей, угрожавших человеческим жизням. В это самое время остров посетила святая царица Елена, мать императора Константина Великого. Она приказала доставить на остров из Египта и Малой Азии тысячу кошек для борьбы с опасными гадами. Когда-то первые кошки покинули пределы Египта именно на кораблях. Они были верными спутниками моряков, кот и одиночество разделит во время долгого морского путешествия, и выслушает, и посочувствует. – На этих словах писатель фыркнул и указал пальцем на морскую синеву: – Так что, Ричи, тоже будешь морским котиком! Так вот, кошки прекрасно справились с поставленной задачей. Они быстро размножились, и через несколько лет остров был очищен от змей. С тех пор кошки стали на Кипре почитаемыми животными.

Ричи слушал своего писателя вполуха, оглядываясь по сторонам. ещё неизвестно, какое их ждёт путешествие, и нужно быть готовым к любым неожиданностям. Вдруг он напрягся и замер – нечто прекрасное грациозно вышагивало по причалу, лениво ступая четырьмя лапками. Красивая эгейская кошка, сопровождаемая не менее красивой «двуногой», будто бы танцевала при каждом шаге. Раскосые зелёные глаза, аккуратные округлые ушки, поджарое тело и ножки, ах, какие ножки!

Ричи взволнованно заёрзал, стараясь проводить взглядом красотку, и вдруг понял, что его переноска движется. Похоже, «двуногий» решил не ограничиваться одним только разглядыванием, а действовать. И зря, ох, зря! После дня на жаре, как ни приглаживай волосы пятерней, свежее не станешь. Котектив видел, что они почти приблизились к привлекающей внимание парочке, но, немного подумав, его «двуногий» вдруг сделал пару шагов назад. И правильно.

«Все-таки он у меня молодец, – подумал котектив. – Нельзя к таким красавицам с наскока. И дело не в самооценке или робости, а просто в ситуации. Надо же оценивать!»

«Двуногая», особенно та, которой явно не раз говорили, что она красива, чаще всего осторожна и недоверчива. Подходить к ней стоит, точно зная, зачем. А для этого надо понаблюдать и подумать. Ричи подогнул лапки и погрузился в созерцание четвероногой красавицы и её достойной «двуногой» компаньонши. Как она смотрит вдаль, когда думает, что её никто не видит. Как нервно двигается кончик её хвоста, когда она притворяется заинтересованной. Ах, как много деталей можно увидеть, если не дать очаровать себя! Если не очароваться самому.

Глава третья, в которой встречаются святая Елена и пушистая Афина

Сначала из такси показались неправдоподобно длинные и стройные ноги в дорогих туфлях на высоченных каблуках. А потом – потом уже невозможно сказать, что стало следующим. Может, это было потрясающее платье от модного кутюрье, может, огромные солнечные очки на миловидном личике или шляпа с широкими полями, которые могут носить только очень красивые люди и не выглядеть при этом смешно. А может, это была корзинка, в которой гордо восседала кошка платинового цвета с красиво очерченными чёрным голубыми глазами.

Афина смотрела на мир лениво и свысока. Фотини совсем на мир не смотрела. Но это только на людях так, только когда они покидают дом, в котором разбросанные там и сям мягкие игрушки, в котором повсюду пустые бутылки вина и обертки от шоколадных конфет. Это там, дома, Афина и Фотини простые и смешливые. Там узкие лодыжки Фотини закрыты тёплыми носками, а Афина носится как ненормальная за игрушечными мышками. Там они засыпают в гостиной на диване перед экраном, где чередуются цветные картинки под аккомпанемент простых мелодий.

Когда Афина впервые встретилась с Фотини, на мир она смотрела запуганными глазами. Смотрела снизу, из-под груды хлама, на какой-то помойке в Салониках.

Свою мать Афина почти не знала. Она помнила её нежный и тёплый запах, её шершавый язык, но ни разу толком не видела. Афина и ещё двое таких же нежных комочков, её братьев, целую неделю провели в обнимку со своей матерью. В то утро, когда у Афины правый глаз стал слегка приоткрываться, она увидела изящный, но очень размытый силуэт кошки, выпрыгнувшей из коробки. Этот дымчатый абрис был её матерью. Она убежала на пару минут утолить голод и больше не вернулась. На задворках крохотной таверны, где мать-одиночка хотела перехватить немного обедков, её задрали бойцовые собаки какого-то «двуногого», пожиравшего внутри огромные порции двуножьего корма.

Сначала Афина и её братцы боязливо молчали. Затем ужасно проголодались. Очень хотелось пить. Братья всё время плакали. Афина хотела их успокоить и начала повторять движения, которые помнила, – она обнимала братьев и вылизывала их шерсть. Это было мучительно. Жажда не давала слюне образовываться, язык резало, в рот попадала шерсть.

«Спите, спите! Сон прогонит голод», – шептала она фразу, которую запомнила от мамы. Когда у Афины полностью открылись глаза, она увидела, что один из котят утром не проснулся. Зато в углу коробки образовалась лужица дождевой воды. С жаждой проблем больше не было, но голод становился невыносимым. Котята начали громко мяукать, уже не надеясь на возвращение матери, они просто всё время кричали, чтобы хоть кто-то подошёл к ним, если в этом мире кто-то вообще есть.

Тогда котят чудом нашёл их отец. Он даже не знал об их существовании, а если бы и знал – это вряд ли бы что изменило.

Услышав писк на помойке, где накануне нализался валерьянки со своими случайными знакомцами сомнительной репутации, Памбос, не поняв даже зачем, заглянул в коробку. И увидел крошечную Афину. Истощённую, грязную, но ответственно закрывшую собой перед лицом неизвестности братика. Она была очень похожа на свою мать. На ту, которую сама ни разу ясно не видела. В углу коробки лежал ещё один котенок. Холодный. Неподвижный. У отъявленного одиночки, повесы и прожигателя кошачьих жизней сердце едва не остановилось.

Он вытащил мёртвого котенка, закопал его в клумбе на площади, а оставшимся в живых детям принёс мышь. Они ничего не смогли с ней сделать. Тогда он принёс им сосиску. Шпро-

тину. Половинку шефталии. Свиные ушки. Кусочек сувлаки. Козий сыр. Результат был один – котята кричали, плакали и продолжали чахнуть. Писк их становился всё менее уверенным. Он стал спрашивать у своих друзей-забулдыг, что делать, а те только посмеялись над ним.

Эта история стала байкой на помойке. Пока о несчастье котят не прослышала недавно окотившаяся Плебса – простая крепкая кошка. Она стала наведываться к Афине и Ахиллу, её братику. Кормила их и убегала к своим родным деткам. Благодарный Памбос таскал Плебсе мышей и луканики, тайком оставлял их у её коробки или у коробки с собственными детьми. На своих детёнышей он смотрел издали, понимая, что ничего другого сделать не может. Он любил их, но стыдился того, что они его не знают, боялся, что они не простят ему то, что он не заботился об их матери. Не знал, что и как им рассказать.

Как-то раз Плебса решила перетащить чужих котят к своим – к чему уже эти различия. Она приняла их за своих и не хотела упускать из виду ни одного из котят. Но однажды Плебсу и Памбосу отловили «двуногие» из какой-то службы по контролю за дикими и бездомными животными. Коробку с ними, котятами и слабеньким Ахиллом погрузили в синий грузовичок и увезли навсегда – в особый приют для кошек.

Афина не знала ничего этого. Она лишь поняла – кошка выбрала из них двоих её брата, а странный кот со слезливыми глазами, ранее наблюдавший за ними издали, просто перестал приходить.

Малышка тосковала. Не решалась даже плакать. Боялась спать. Пока наконец не решилась выбраться наружу. Выбравшись из коробки, Афина нерешительными шагами побрела куда глаза глядят. Брела она долго. Крошечное сердечко сжималось от одиночества, боли, покинутости и отчаяния. Глаза почти перестали видеть из-за слёз, лапки совсем ооченели, решимость покидала Афины. И вдруг она уткнулась сухим горячим носом в простые тряпочные кеды.

Фотини вывозила мусор на старом «Фиате». Полная коробка всякой дряни – это всё, что осталось от подонка, который бросил её и ушёл к своей секретарше, крепкой и наглой девчонке из Восточной Европы. Счета за рестораны и цветы, пустые бутылки от дорогого виски, нераспакованные подарки, пепельница из макарон с кривыми, неправильно написанными буквами «папачке». Истерика затаилась где-то внутри этой тонкой, нежной, хрупкой «двуногой».

Молодая женщина скомкала рубашки, галстуки, ежедневники в одну кучу и пыталась облить её бензином из флакона для заправки зажигалок. Её колотила мелкая дрожь. Повезло девушке из Восточной Европы. Бойкая, смелая, но в то же время податливая, Фотини понимала своего бывшего мужа – легко ужиться с согласной на всё девчонкой, которая не видела жизни и следует любым установленным правилам.

Вдруг Фотини почувствовала, как через тонкую ткань дешёвых кед её словно ударило током – но так легко, так слабо, так незащитно. Она опустила глаза и увидела крошечную Афины. Опустилась на колени и протянула к ней руки:

– Милая! Я считала себя самой слабой – но я достаточно сильна, чтобы помочь тебе. Ты хочешь пойти со мной и разделить огонь наших сердец? Наш кров и наши простые житейские трудности?

Афина мало что понимала. Других «двуногих» она прежде не видела, но сразу почувствовала любовь и отчаяние, исходящие от Фотини. Она просто упала к ней в протянутые ладони и ткнулась носом в подушечку большого пальца правой руки. Сил почти не оставалось.

Фотини сразу же забыла о том, что хотела делать. Девушка крепко прижала к груди крошечную, измождённую, исстрадавшуюся кошечку и побежала к машине. Уже дома она заливала в малышку тёплое детское питание через пипетку. Молочные каши, овощные и мясные порешки.

Когда Фотини поняла, что дальше жить ей придётся одной, она долго не могла найти себе работу по душе. Внучке великого археолога Константиноса Хриstopолуса, который оставил ей какой-никакой капитал, увы, пришлось становиться на биржу труда.

Эффектная молодая «двуногая» повсюду сталкивалась с недвусмысленными намёками «двуногих» самцов, пока наконец не наткнулась на интересное предложение – в детский театр требовался младший педагог. Туда и устроилась – работать с юными дарованиями. Ставить пьесы, постановки, разучивать песни с детьми было и интересно, и весело. Афины она брала с собой. Поначалу маленькая кошка побаивалась всех подряд, но вскоре привыкла к вечно визжащим «двуногим» детёнышам и даже полюбила их. А с ними и театр.

Однажды, перебирая груды всякой рухляди в одной из многочисленных кладовых, Фотини нашла дудочку дедушки – простую деревянную свирель – одноствольную сирингу, которая потерялась после его смерти. Старый Константинос очень дорожил этой находкой, которую обнаружил на раскопках одного древнего театра.

– Она такая древняя, – хохотал старик, – будто на ней играл старый бог Пан! Похоже, он её и настраивал: строй ни на что не похож!

Фотини играла и играла на свирели часами, но всё что-то никак не выходило создать что-то по-настоящему волшебное.

Афина следила за своей «двуногой» с любопытством и сочувствием. А потом начала дурачиться. Она комично изображала рождение мира в древнегреческой космогонии. Сначала Фотини не могла понять – импровизирует ли Афина, и сможет ли она повторить смешные кувырки, потягивания, закатывания глаз и энергичные прыжки – но оказалось, что Афина не просто может их повторить, но с каждым разом получается всё отточнее, вывереннее, изящнее. Так у них родился номер, в котором красивая «двуногая» нежно играла на свирели, а восхитительная Афина показывала хронос, хаос, Зевса и тому подобное.

Дети в театре заливисто хохотали и неподдельно расстраивались на драматических моментах. А кто может быть искреннее?

Как-то «двуногой» позвонил её старый приятель Панайотис. Он однажды увидел репетицию и понял – есть что-то мистическое в постановке. Может быть, виной тому была трогательная коалиция женщины и кошки, а может – и дедушкина свирель.

Панайотис предложил Фотини выступить на Кипрском фестивале нестандартного театра, и она растерялась:

– Что ты! Никогда у нас выше нашей детской сцены подняться не получится!

– Послушай! Там всё, всё словно для вас приготовлено! – горячился Панайотис. – Фестиваль называется «Греция и Вселенная». Со всего мира съезжаются любительские коллективы самых разных жанров! Это же настоящий шанс засветиться вашему детскому театру! И главный приз – сертификат на открытие собственного театра! Полная субсидия от министерства! Полная!

– Может, ты и прав, – улыбалась в ответ «двуногая». – Может, и правда пора делать большой театр, а не детский клуб для десяти малышей.

– Поговаривают, что в жюри будет великий греческий режиссёр Сократис Теодолос. Он дал путёвку в жизнь тысячам любительских театров! – продолжал Панайотис. – Главное – его зацепить. А мне передали, что старик Сократис обожает свирель, он сам родом из деревни и от свирели начинает рыдать. А ещё он обожает кошек! Ваш номер просто безукоризненный! Настоящий греческий! Кто ещё может победить на этом конкурсе, кроме нас, греков?

В любом случае Греция и Вселенная ждали этого номера. И Афина так старательно повторяла перед зеркалом отточенные па, что Фотини откинула последние сомнения и решилась – вперёд, навстречу Греции, навстречу Вселенной.

Так они и отправились на теплоход – Фотини, волшебная свирель в багаже и Афина в корзинке. На трапе Фотини застряла из-за дурацкого «двуногого», который с чемоданом и

переноской с ошарашенным беспородным чёрным котом встал так, что загородил весь проход. Пришлось выслушать непонятные «сорри!», «иксюзми!» и «господибожекакаянеловкость!», с одной стороны, и ехидные смешки и издёвки от тощего рыжего, на плече у которого спал жирнющий рыжий котище, – с другой.

Наконец «пробка» рассосалась, Афина торжественно всплыла на борт в корзине не менее торжественно взошедшей на борт Фотини, которая получила от стюарда рекламные проспекты и приглашение на участие в корабельном конкурсе самодеятельности – празднике Посейдона. Впереди их ждала новая прекрасная жизнь.

Глава четвёртая, в которой Ричи знакомится с Посейдоном

Столько воды сразу Ричи не видел никогда. Вода шумела солью, плескалась рыбьими хвостами, билась о берег волнами, шуршала морскими камушками, звенела брызгами, смеялась каплями, и всё это в маленькой кошачьей голове звучало неясной угрозой. И хотя прежде кот ненавидел переноску, в которой сидел, сейчас он испытывал к ней благодарность – за сухость и какие-никакие стены. Они закрывали его от невообразимой широты моря, в которое его «двуногий» суду решил забросить их обоих на каком-то малонадёжном судёнышке.

Сам Посейдон, огромный, могучий, бесконечный, словно уже схватил своей мокрой лапицей котектива за шкуру.

Тут Ричард, конечно, немного перегибал палку, занижая размеры старенького теплохода, на который «двуногий» волок переноску и свой чемодан. Теплоход был многопалубный, уж четыре-то яруса он точно успел заметить, даже не высовывая нос из переносной сумки, а лишь прижавшись янтарным глазом к сетке, через которую к нему поступал воздух. Несмотря на то, что изначально судно было грузовым, верхняя палуба была отдана пассажирам, там же находился небольшой бассейн – будь они неладны вместе с этим мокрым-премокрым морем! «Двуногие», верно, совсем обезумели, если в огромной луже им нужны ещё и лужи поменьше! Наверняка в каждой из сотни комфортабельных и не очень кают тоже были ванная, раковина и даже какое-нибудь джакузи!

Море пугало Ричарда таинственным древним страхом. Вроде ни одной конкретной истории о том, как его знакомого кота сгубила бы солёная стихия, он не помнил. А вот суеверий – хоть отбавляй. Правда, у суеверий всегда были вполне обоснованные истоки.

Взять, к примеру, отвратительное свойство воды влиять на запах. Если от Ричи будет нести как от половой тряпки, он вряд ли сможет затаиться за углом незамеченным и раскрыть какое-то мало-мальски важное дело! Ведь мокрый кот воняет не хуже блохастой псины, будь он хоть трижды чистюля и франт, каких свет не видывал, стоит слегка подмочить шерсть – пиши пропало!

А это мерзкое ощущение промозглости? Когда любой ветерок пронизывает до костей, будто ты рыбий скелет, а не уважающий себя пушистый царь природы! Вымывая воздушные подушки в шерсти, вода заставляет в любую жару зябнуть даже самого морозостойкого кота!

Ричи вспоминал рациональные объяснения водобоязни своих знакомых котософфов, готовых часами за миской валерьянки раскладывать по мисочкам свои мяумудрости, лишь бы побороть навязчиво колотивший его страх упасть за борт прямо в переноске. «Двуногий», словно назло, не торопился и застрял на этом зыбком трапе, перекидываясь со случайными беднягами ничего не значащими фразами.

Кот продолжал перебирать в голове воспоминания из бесед разных лет. На мокрую шерсть, например, очень быстро и очень много налипают грязи и бактерий! И если потом начать себя вылизывать и наестся пуд грязищи, так и кишечные колики можно подхватить! Кому потом икающий больной котяра будет нужен? Ни одна уважающая себя кошка даже не взглянет на облезлого оборванца!

Справедливости ради, Ричард вспомнил пару знакомцев, которые с водой были на «ты». Дальний Масин родственник – курильский бобтейл Йошикот и его подруга – бенгальская пловчиха Акира. Йошка ему тогда рассказывал, что ничего особо пугающего в воде нет. Мол, страшно только, что опоры нет – оттолкнуться не отчего и взобраться некуда. А если эти мысли отпустить – то и плывется легко, что твоей сельди. Акира и вовсе помешанная была. В пруд, в ручей, в ванную – всегда первая бежит. Не может поплавать – так лапой за струю воды цепля-

ется, в лужи прыгает, с дачными поливалками играет. Странная кошка. Красивая – да, этого не отнять. Но, видимо, где красота – там и до сумасшествия лапой дотянуться!

Как хвостом ни крути, а сесть в лужу было самым большим страхом Ричи, сколько он себя помнил. Взять хотя бы тот случай, когда «двуногий» пытался его впервые искупать. И зачем, спрашивается? Чем заслужил крошечный пушистый няша Ричи такое хамское отношение? Ну, подумаешь – проткнул случайно крышку на банке сметаны. Ну, извозился весь в молочной продукции, ну уронил потом какую-то злосчастную герань, горшок расколотил да землёй слегка припорошился. Разве ж это повод живое существо в таз с водой окунать?

Ричи помнил этот жуткий звук рвущейся из крана воды, эхо отбитой от чугунной ванны струи и ругань «двуногого». Помнил, как забилось его крошечное сердечко, как каждый мьяв заглушался хлюпающим звуком и огромными глотками водопроводной воды. Как испарал своему писателю руки в кровь и как потом дрожал, завернутый в полотенце, когда дыхания хватало только на прерывистые икающие вдохи.

А однажды, не приведи кошка-мать никому узнать про тот случай, подхватил Ричард где-то блох. Тогда, уже в отрочестве, к страху перед водой добавились ещё унижительные ощущения от вытравливания блох вонючим душистым мылом. Долго его полоскали в тазу в тот раз, уже в четыре руки...

Был ещё один неприятный случай в его короткой кошачьей жизни. Жили они тогда счастливой семьёй на даче. «Двуногие» и его дражайшая Масенька. В тот раз он хотел изловить аквариумного сомика, блеснуть доблестью перед любимой подругой и угостить вкуснятиной. Только лапы подвели – скользнули когти по краю бортика, и свалился хвостатый герой прямо в стеклянную коробку с водой, водорослями, какими-то улитками, глиняными фигурками и сушёными тараканами. Раньше это воспоминание вызывало в душе Ричи немного стыда и много смеха. Теперь же добавились ещё грусть, тоска и внутренняя пустота. Такая огромная, как пустая бочка от океанской сельди. Неумолимо гнетущая и непримиримо беспощадная.

ОКЕАН!!! Ричард вдруг ошетинился от страха – а что, если они поплывут через океан? Всех девяти жизней не хватит, чтобы отделаться от этого страха.

Наконец «двуногий» добрался до своей каюты. Добрались вместе с ним чемодан, переноска, а в ней и сам съжившийся котектив. Писатель открыл переноску, и Ричард осторожно из неё выбрался. Ноги подкашивались больше от страха, нежели от долгого сидения в переносной сумке и пошатывания на весу. Кювета, вопреки страхам, оказалась вполне сносной. Уж куда лучше сторожки, в которой они как-то жили при фабрике. Здесь была простая прочная койка, небольшой столик и стул, прикреплённые к полу. В стену было встроено что-то вроде шкафа, но без дверок. «Двуногий» затолкал под кровать чемодан, переноску оставил на кровати, а сам подошёл к круглому иллюминатору и что-то начал бормотать себе под нос.

«Опять творит», – понял Ричи.

«Двуногий» положил на столик приглашение на участие в конкурсе «Праздник Посейдона», спешно вытащил из кармана молескин и начал вписывать туда свои каракули привязанной к блокноту ручкой.

– И если уходить от бед, то семимильными шагами,
на корабле, в фуражке капитана,
на двадцать тысяч лье вперед и вглубь.
И если говорить не вслух, то непечатными словами,
а песни петь – всегда спонтанно!
Зачем же раньше был не смел я или... глуп?

Тут писатель вдруг опомнился, открыл иллюминатор и со злостью вышвырнул в него блокнот.

– Всё – значит всё! – крикнул он морю. Не для того он завязал со своими стишками, чтобы вновь их писать. От стихов пользы никакой – на них ни вина не купишь, ни кошачьего корма. На конкурс захотел? Вот и пойдёшь – как зритель. Довольно мечтаний – пора встать на твёрдую почву, пусть до этого сначала и придется какое-то время провести в плену морской болезни, когда из окна видно только бескрайнее море, а за ним – опять бескрайнее море! Решил возвращаться в свой бизнес – значит, надо возвращаться полностью, не оставляя возможности искать поддержки и утешения в творческой стороне своей личности. Уж сколько ему эта творческая сторона бед принесла, который раз на стенку лезть хочется от тоски и досады! PR так PR, точно просчитанные ходы, выверенная целевая аудитория, проверенные на фокус-группах тексты и никаких бесплатных вольных размышлений или отвлеченных фантазий! И новоиспечённый пиарщик решительно покинул каюту, не притворив за собой дверь.

Ричард побродил немного по каюте, посмотрел по сторонам, выглянул в иллюминатор – нового ничего не увидел, все то же бесконечное море, – и решил всё-таки проследить за своим писакой-горемыкой – тот вряд ли успел далеко уйти.

Ушел тот действительно недалеко. Стоял прямо напротив каюты у бортика, смотрел на ещё заметную линию берега. И вроде известные ранее узоры приобретали теперь причудливые очертания, выводя на горизонте понятную лишь этим двоим вежу – старой жизни больше не будет, что было – то прошло. Разочарования сгладятся, обиды исчезнут, боль утихнет. Останется светлая грусть в дымке удаляющегося в закат города их прошлого. А впереди их ждёт только новое, только неизведанное, только практичное и настоящее – в городе их будущего.

Глава пятая, в которой бога Мома снова изгоняют с Олимпа

Ах, если бы его спросили, сколько сарделек пройдёт в колбасное кольцо, если бы хоть кому-то стало интересно, о чём шепчет травинка в его зубах, или каков на вкус мёд поэзии, он бы рассказал... Но никому не нужны его рыжие мысли. И пусть. Ведь у каждого своя тропа к мышинной норке и каждого ждёт по ту сторону своя хвостатая истина – маленький серый комочек, поющий на разные голоса песню мира, или красноглазый монстр с острыми зубами.

Если бы теплоход отплывал с другой пристани, ему, солнечному Рыжику, было бы так же тепло и светло. И так же немного одиноко. Рыжик все так же смотрел бы на бурлящую воду за кормой, на белых горластых чаек, на удаляющийся берег... На «двуногого», смешно переставляющего длинные тонкие ноги в полосатых брюках. Брюки чуть-чуть широковаты, и полоски живут своей жизнью. Ноги стучат вправо, а брюки – ещё слева колышутся. Эта задержка едва заметна, но взгляд цепляется, и оторваться почти невозможно. Дьявольские полоски, способные заморозить не хуже лазерной указки.

И фамилия у «двуногого» смешная – Галкин. Птица городского полёта, мелкая юркая птаха. И одевается он смешно, даже по-«двуножым» меркам, – смокинг, «бабочка» и черные брюки, с едва заметными, живущими своей жизнью полосками. Теплоход качается на волнах, но это не мешает Галкину отбивать чечётку. Довольно нелепо. «Двуногие» смотрят с неодобрением на его трость, отбивающую ритм, на его довольное лицо, на всю его неуместную фигуру.

– Чок-чок, шшшух! – бормочет Галкин себе под нос. – И вот так! И ещё вот этак! – Он запрокидывает голову, продолжая стучать каблуками. – А панояй му! – Это греческое восклицание, которому он совсем недавно научился, означает «Боже мой!». – Снова Рыжик му, ты мой маленький пушистый бог Мом, бог хохота и смеха, выходишь на подмостки Олимпа!

Рыжик знает, что будет сейчас. Если бы это был кто-то другой, он бы уже скрылся... сквозь колбасную петлю. Но это Галкин. «Двуногий», с которым... Не важно, не важно! Крысасудьба снова поворачивается своим невнятным серым боком, а Галкин стучит всё ближе.

– Ну же, Рыжик! – протягивает он руку. – Составь мне компанию в этот чудный денёк! Скоро же праздник Посейдона!

Рыжий вразвалочку подходит к «двуногому», несколько секунд принаравливается, покачивая толстым задом, прыгает на него... Вот эта секунда! На миг выпустить когти и тут же разжать их, чтобы судьба сама распорядилась по своему усмотрению!

Кот, вопреки всем теориям, грузно шлёпается на спину у ног Галкина. Рыжий увалень, неловкий паяц! Все хохочут: хохочет небо, палуба, в хохочущем хороводе кружатся лица «двуногих». Пускай! Пусть смеются!

Галкин опускается перед Рыжим на колени. Вот он, этот момент, ради которого всё это!

– Ну что ты, рыжий мой волшебник! Вот это игра! Игра котобога! Ты превзошёл самого себя! Ушибся? Наверное, больно?

Больно? Рыжик улыбается. Хоровод смеющегося мира веселит его. Так всегда в жизни. Больно будет потом, а сейчас смешно. И потому, что потом обязательно будет больно, сейчас нужно впитать каждую секунду радости.

Лицо Галкина приближается, заслоняя вертящееся смешное небо. Он целует Рыжика старческими губами, подхватывает под живот и несет в каюту. Его руки подрагивают, а от сухой кожи пахнет старостью. Рыжик не против, Рыжик доволен.

– Я дам тебе валерьяночки. Потерпи, мой котобог!

Палуба резко уходит вниз, «двуногие» уже не смотрят на них.

«Что наша жизнь? Полевая мышь, на миг мелькнувшая и пропавшая в ворохе сухой листвы. Валерьяночка? – Рыжик блаженно закатывает глаза и продолжает размышлять. – Это зелье поможет, утешит. Но от чего? Рыжик, Рыжик, сумасшедший кот сумасшедшего «двуногого»! Раз за разом задаешься этим вопросом и понимаешь, что жизнь и есть зелье».

Рыжик свешивается через руку Галкина и корчит рожи окружающим. Мимо проплывает палуба, тощий «двуногий», ещё более тощий, чем Галкин, смотрит на них, как на придурков.

«А я и есть придурок! – лениво размышляет Рыжик и раздувает щёки, дразня жирного кота, сидящего возле тощего «двуногого». Воздушный поцелуй летит в сторону прекрасной эгейской кошки. Она презрительно морщится и отворачивается. – Ну и пусть. Лучше быть придурком у света, чем мудрецом у тьмы. Мадам, вы прекрасны, и, к вашему несчастью, нам по пути! Плавание обещает быть забавным. Рыжик, жирный и красotka! Весёлая компания! Стоп! А это что?»

Рыжик поднимает голову и замечает ещё четырёх котов. Это ещё кто? Коты наблюдают с разных точек палубы, и шерсть сама по себе приподнимается.

Но Галкин уносит его в каюту, бормочет про насмешливого бога смеха Мома, которого за его саркастические шоу даже изгнали с Олимпа, наливает валерьяночку и всё танцует, танцует...

Глава шестая, в которой выясняется один странный факт

Ричи основательно уселся и задумчиво почесал за ухом. Он был всю жизнь честен с самим собой. Да, родословную вёл не от эрмитажных котов. И в семье не было расфуфыренных театральных любимчиков. Но всё же к искусству он тянулся. Конечно, от виктюков-шмиктюков зевал во всю ивановскую. Любил что попроще – произведения типа «Кот на воеводстве» или «Троица из Простоквашино». От сцены, виденной в детском театре – «ловись, рыбка, мала и велика», Ричи буквально катался по полу. Лиса вела себя, разумеется, стервозно. Но какая же бездна обаяния, влюбиться можно с первого взгляда! Короче говоря, он был любителем народных сказок и нисколько не страдал от заносчивости. Однако идиотская клоунада старого «двуногого» его порядком шокировала.

«Вот ведь подлец какой, – подумал Ричи, выкусывая между пальцами. – ещё и кота втянул в это позорище!» Впрочем, возмущение немного побурлило и улеглось. Котектив всегда отличался справедливостью. Рыжего мохнатого жирдяя никто не принуждал. Он добровольно валял дурака.

«Эти балбесы себя воображают великими артистами. А люди на самом-то деле хохотали от радости. Вот, нашёлся кто-то глупее, чем они сами! – пришёл к окончательному выводу Ричи. – Жажда славы ослепляет... Где-то я это слышал? Так подходит к случаю!»

Кот ещё немного поломал голову, пытаясь вспомнить. В памяти всплыл давний вечер, когда его «двуногий» и «двуногая» Маси обжимались на диване и смотрели заумный спектакль. Ричи тогда фыркнул и ушёл спать, но фразу запомнил. «Там тоже кривлялись в смешной одежде, но смысла было побольше», – подвёл он итог под выступлением самозванных артистов.

За спиной раздался звук знакомых шагов. Ричи обернулся – да, это шёл его «двуногий». «Ого! – удивился кот. – А мы снова форсим и пижоним!»

Писатель нарядился в одежду из прошлой жизни, о которой Ричи уже почти позабыл. Две недостаточно мохнатых – как и у всех «двуногих» – конечности торчали из белых шорт. Ступни прятались в замшевых мокасинах. Кот любил время от времени подремать на этой обуви. Его слегка расстроило посягательство на то, что он уже считал своей безраздельной собственностью. Но мимолётное недовольство испарилось, когда Ричи перевёл взгляд выше. «Двуногий» нацепил белую льняную рубаху – подарок той самки, что жила тогда в его жилище. Это было уже тревожным признаком! Так, на запястье небрежно болтаются часы. Ричи помнил, что это искусная подделка китайских ширпотребщиков. Настоящие такие стоят сто тысяч евро, говаривал «двуногий», а эти – всего-то тыщонку рублей. Но их не различит даже опытный часовщик, пока не снимет заднюю крышку. «Ага, это он во все тяжкие пустился, значит!» – пришёл к выводу кот. Лёгкая небритость, в волосах благородная проседь, скучающий взгляд. Был бы «двуногий» четырёхлапым, можно было бы сказать – под породистого «косит». А так он, стало быть, изображал миллиардера, вышедшего к ребяткам попроще. Ох, неспроста он хвост распушил и спину выгнул! Кошачья интуиция никогда не подводит...

И точно! Прогуливается такой, словно никого вокруг не замечает, а сам нацелился на ту «двуногую». С неё и так все самцы взглядов не сводят – кто украдкой посматривает, а кто внаглую пялится. Тёмной масти, поджарая. Была бы кошкой – отличная вышла бы охотница-мышеловка! «Двуногого», с одной стороны, понять-то можно. А с другой... Наелся ведь уже этой гирлянды дважды! Чуть ноги не протянул – так ему плохо было. И ничему так и не научился. Вот, уже начал разговор! Ленивые вкрадчивые интонации. Негромкий бархатный голос, идущий из самой груди. Как будто не беседует, а мурлыкает. Умеет зубы заговаривать, ничего не

скажешь. Но зря родной «двуногий» охотником себя воображает, в данном конкретном случае дичь – именно он.

А черноволосая «двуногая» игнорирует попытки обольщения. Держит дистанцию, но не отталкивает. Заманивает! А «двуногий»... Дрянь дело! Похоже, он уже начал заводиться. Теперь будет тратить на охоту за неприступной самкой всё своё время, душевные силы и ресурсы. Сигналов о приближающейся опасности Ричи уже разглядел целую прорву. Пора предпринимать самые решительные меры! Иначе потом писателя будет уже не спасти – с головой окунётся в романтику.

Котектив целеустремлённо направился к «двуногому», заранее мысленно попросив у него прощения. «Ты должен понять – не шалости ради я совершаю это! – попытался телепатировать Ричи. – Я выполняю свой долг. Как кот. Как мужчина. Как друг!» Однако «двуногий» был настолько увлечён разговором, что даже ухом не повёл. Ричи тяжело вздохнул и наотмашь ударил передней лапой по открытой коже чуть выше мокасин.

«Двуногий» аж подскочил, зашипел, как заправский котяра, и метнул в Ричи испепеляющий взгляд. «Хочешь драться – дерись. А я сражаюсь за правое дело!» – послал ему кот спокойный ответный сигнал. Зато брюнетка откровенно развлекалась. Всю её неприступность как ветром сдуло. Глаза её искрились искренним восторгом, и она в голос хохотала, в упор рассматривая драчунов. С кислым выражением лица «двуногий» сказал, что вынужден удалиться, мол, не обработанные вовремя царапины при такой влажности обязательно воспалятся, и направился в каюту, горделиво задрал нос. Ричи с облегчением перевёл дух.

Где-то сбоку мелькнула быстрая тень. К «двуногой» красотке элегантно неслась её тонкая хвостатая подружка – красавица-эгейка. Дальнейшее произошло очень быстро. Кошка метнула мимолётный презрительный взгляд на котектива. Не успел тот даже огорчиться, как «двуногая» вдруг высоко подпрыгнула на месте, а потом взмахнула всеми своими голокожими конечностями – как птица! Как балерина! В тот же самый момент эгейка оттолкнулась от палубы и взлетела. Её прыжок был очень длинным и высоким. А ещё она умудрилась сделать идеальное сальто. В тот самый миг, когда «двуногая» приземлилась, у неё на руках оказалась изящная кошечка. «Ба!» – только и успел подумать Ричи и от удивления шмякнулся на свой мохнатый зад.

Вдруг тишина взорвалась криками восторга. Вся палуба бешено аплодировала внезапно и крайне впечатляющему трюку. И сквозь рёв «двуногих» до слуха обалдевшего Ричи донеслись неожиданные звуки. Громкий мяв нескольких глоток нельзя было перепутать ни с чем. «Что за ерунда? Откуда на корабле взялись другим котам?» – удивился он и взглянул вверх. На крыше одной из надстроек расположилась мохнатая четвёрка. Восемь зелёных и янтарных глаз смотрели прямо на него. Всем своим видом коты демонстрировали своё превосходство. «Ничего не понимаю! Их не было среди пассажиров. Откуда они взялись посреди этой солёной воды?» – замер в недоумении Ричи. Слишком много неожиданностей. Слишком много вопросов!

Глава седьмая, где мы знакомимся с настоящими морскими котиками

Из динамиков, развешенных по внутренним помещениям корабля, внезапно раздался лёгкий треск и что-то, напоминающее урчание. «Двуногие» всегда принимали подобные звуки за помехи, но морские котики знали, что слышат сигнал «малый сбор», поданный вахтенным котофицером, и поспешили на развод в первый трюм, самую тёмную и укромную часть корабля.

Со стороны камбуза послышался сильный грохот, сопровождаемый рёвом явно недовольного «двуногого», и в коридор кубарем выкатился Элефант, который с довольной мордой потрусил в сторону ближайшей лестницы.

– Опять сбил с ног толстого кока, – с невольным восхищением муркнула Лучиана, – десять-ноль в пользу Элефанта!

– Ррребячество, – недовольно фыркнул Маршал. – Размером со слона, а ума, как у болонки, – и от раздражения немедленно облизал правую лапу.

Рон, дежурный по котовахте, заскочил в помещение трюма последним и обнаружил, что весь личный состав морских котиков уже светит ему навстречу глазами-фарами.

– Задеррррживаешь! – недовольно прошипел Маршал и скомандовал построение. – Дежуррррный Рон, доложите обстановку по вахте!

Рон флегматично выступил вперед, про себя удивляясь, что Маршал хоть и француз, однако же очень любит делать упор на букву «р», и так она у него звонко и хорошо выходит.

– Сэр, разрешите доложить. Сегодня в девять утра порядка двадцати мышей прорвали пробочно-поплавковые заграждения и совершили дерзкую вылазку из четвёртого трюма, закрепившись в районе полуюта. Потерь среди личного состава нет, однако продовольственному складу нанесён крупный ущерб – прогрызено и рассыпано около пяти мешков с крупами. Доклад окончен, сэр, – подвёл итог Рон и на всякий случай настороженно покосился в сторону Маршала, мало ли что придёт тому в голову, в ярости он был абсолютно непредсказуем и опасен даже для своих.

А Маршал сейчас пребывал в ярости, это было очевидно всему отряду, и даже благодушный увалень Элефант перестал трепать чайкино перо и затих, взобравшись на канатную бухту в углу.

– Неслыханная наглость! – прорычал Маршал, мечась из угла в угол. – Пора ррраз и навсегда показать этим ублюдкам, кто на корабле хозяин! Мы должны очистить от серой заразы весь четвёртый трррюм! Навсегда!

Поражённые масштабом замысла, остальные морские котики обеспокоенно переглянулись. Лучиана, как давний напарник по боевым операциям и любимица командования, попыталась урезонить кровожадный настрой французского маркиза:

– Маршал, у нас недостаточно сил для полной зачистки, и крысы имеют огромный численный перевес, это во-первых. – Она в задумчивости прикусила кончик хвоста. – Во-вторых, по классификации «двуногих», этот лайнер – «гражданское судно», и они не поймут, если мы устроим здесь вторую «резню в Галифаксе».

Ах, не надо было вспоминать Галифакс, сразу же подумала Лучиана, но было уже поздно. Маршалу напомнили о самой успешной и одновременно самой кровопролитной боевой операции в истории его отряда. В официальных кошачьих источниках спецоперация носила название «Тихая гавань», в неофициальных же кругах её окрестили «Резня в Галифаксе». Отряд Маршала, молодого, но амбициозного котандира с десятком опытных морских котиков, забросили на британский авианосец «Альбион», где они должны были произвести плановую зачистку

верхней палубы и радиорубки от вредителей, но столкнулись с ожесточённым сопротивлением, причём обычных мышей в этот раз прикрывал отряд матёрых корабельных крыс. Маршал и его бойцы (в составе того отряда из нынешних была только Лучиана) вначале дрогнули под натиском и вынуждены были отступить в машинное отделение, однако быстро собрались с силами и благодаря хитроумной тактике, разработанной Маршалом, проникли по вентиляционным шахтам в тыл противника и буквально свалились крысам на голову, посеяв ужас и панику среди мышиноного лагеря.

Дерзкая и молниеносная операция по зачистке закончилась полным разгромом вредителей, а удивлённым «двуногим» пришлось утром отмывать переборки от крысиной крови. Благо это были вышколенные матросы, которые не зеленели при виде разорванной напололам крысы. А на гражданском пассажирском судне совсем другая публика, и может подняться ненужный шум и ажиотаж, хотела напомнить Маршалу Лучиана, но, возвращаясь в памяти к своим первым операциям в отряде, она вдруг вспомнила, что предшествовало её карьере морского котика, и замолчала на полуслове.

Когда-то давно, когда она была маленьким и нескладным котёнком и бродила по закоулкам Порту, пугаясь ворон и обследуя ресторанные мусорные баки, Лучиана встретила «двуногого» в синей униформе. Это был пожилой румын, с широкой белозубой улыбкой, тихим голосом и тёплыми руками. Он почесал её за ухом и угостил сушеным кальмаром. Старик вполне приятно пах, поэтому маленькая кошка доверчиво последовала за незнакомцем и оказалась на корабле, который вскоре отчалил. «Двуногий» с восторгом принял дружбу котёнка, и на борту они практически не разлучались – вместе несли бесконечные ночные вахты, драили медные перила (конечно же, драил «двуногий», а котёнок путался под ногами), вместе ходили в увольнение на берег (эту часть службы «двуногого» Лучиана ценила больше всего). Прошло несколько месяцев, и Лучиана из нескладного котёнка превратилась в молодую кошку с дымчатой плотной шерсткой и огромными голубыми глазами. Своё имя «Лучиана» она приняла всё от того же румына – он часто показывал ей чёрно-белую фотографию молодой «двуногой» с выразительными и красивыми чертами лица и мычал что-то похожее на «Лучи... Лучиана», и тогда кошка подумала, что это весьма неплохо звучит.

Жаль, что «двуногий» был слишком стар, чтобы продолжать работать в море, и он устроился обычным портовым сторожем. Маленькая Лучиана обожала море и морскую службу, однако и к «двуногому» своему привязалась, поэтому не решилась оставить его одного – румын и так чрезмерно грустил, без конца мусолил свою старую трубку-носогрейку и слишком часто прикладывался к бутылке с синеватой от высокого градуса ракией. Однажды зимним ненастным вечером, когда тёмные улицы хлестал мерзкий холодный дождь, Лучиана подошла к старику, сидящему в своём любимом скрипучем кресле, чтобы разбудить его на очередной обход, и обнаружила, что тот не спит. Глаза румына были открыты и невидяще смотрели на край стола, где стояла в рамке фотография загадочной незнакомки, губы его слегка улыбались, а руки были совершенно холодны и неподвижны.

Выбраться из его каморки было нельзя – старик закрыл дверь, а ключ положил в карман своих старых форменных брюк.

Что было потом? Голод, болезнь... Был порт, были корабли, был весёлый матрос Влад, так здорово игравший на дудочке... Порты, корабли... И снова одиночество...

Лучиана смутно припоминала, как бежала под дождём в порт и как, потеряв обычную осторожность, оказалась загнана в каменный тупик огромным портовым догом, её старым врагом. В отчаянии прижавшись спиной к кирпичам, кошка приготовилась дорого продать свою шкуру, как вдруг серая тень метнулась на спину грозной собаке, и через секунду та в ужасе бежала прочь, подвывая от боли.

А перед ней возник незнакомый кот, мускулистый, статный, с явно военной выправкой, и, делая упор на букву «р», представился: «Я – Маррршал. Что случилось, сестрёнка?» Его

участливый тон и благородная морда немного успокоили Лучиану, и вскоре она, всхлипывая и вздрагивая, смогла рассказать о своём горе. Маршал про себя сильно удивился подобной сердечной привязанности к «двуногому», однако тактично промолчал и лишь участливо лизнул Лучиану в нос. И тут же предложил ей вступить в отряд морских котиков под его командованием. Молодую кошку больше ничего не связывало с этим унылым берегом, кроме её скорбных воспоминаний, поэтому она без колебаний согласилась. И получила интересную работу в любимом море, а также прекрасную команду, которая постепенно сколачивалась из таких же отчаянных морских бродяг, как она и Маршал. Сейчас в отряде «маусхантеров» теплохода «Агиа Елени» состояли: она, флегматичный, но надёжный и умный Рон, увалень Элефант – весьма внушительный и грозный на вид, однако по характеру ленивый добряк, и командир отряда Маршал, резкий, напористый, агрессивный, храбрый до безумия и благородный, как истинный французский мушкетёр.

Лучиана очнулась от воспоминаний и обнаружила, что в помещении разгорелся жаркий спор по поводу дальнейших действий.

– Я предлагаю подождать, – настойчиво бубнил Рон. – Лайнер через месяц отправится в сухие доки на ремонт, а значит, мы сможем спокойно, без спешки и ненужных свидетелей, покончить с нашими задачами.

– Через месяц? Месяц?! – взвился Маршал. – Да нас тут сожрут через месяц! Они плюнули нам в морду, а ты предлагаешь делать вид, что ничего не произошло, и игнорировать наши прямые обязанности ещё месяц?!

– Месяц – это слишком долго, – примиряюще начал Элефант, – мы не можем ждать месяц, однако вовсе не обязательно нападать в лоб, мы же можем обложить все выходы из четвёртого трюма и отлавливать их по одной, как на «Морском Драконе», помните?

Лучиана фыркнула про себя, сидеть в засаде – это было любимой тактикой лентя Элефанта. Кошка понимала, что их командир слишком нетерпелив для подобного метода, да и мышей слишком много на этот раз. Он дал высказаться всем, но наверняка уже принял какое-то решение и поступит так, как ему диктуют его натура и богатый жизненный опыт.

– Так, заканчиваем дебаты! – металлическим голосом рявкнул Маршал. – Отделение, слушай мою команду!

Котики замолчали, подобрались и сели в одну линию, внимательно уставившись на него.

– Мы проведём немедленную и молниеносную зачистку четвёртого трюма. – Маршал начал чертить лапой на пыльном полу прямоугольнички и стрелки и раздавать указания: – Начало операции – шестнадцать ноль-ноль. Рон и Лучиана бесшумно снимают караул и отходят к правому и левому иллюминаторам, перекрывая возможность отступления противника в соседние отсеки, Элефант врывается через главный люк и начинает зачистку, я поддерживаю его сзади, и в этот момент Ро и Лу начинают добивать с флангов. Задача ясна, отряд?

Отряд согласно заворчал, предвкушая нелёгкую, но интересную работёнку, но тут Лучиана поняла, что уже второй раз за последние пару минут слышит какие-то посторонние звуки из-за шпангоута. Гибкой серой молнией она бросилась на звук, вцепилась всеми когтями и зубами во что-то мягкое и тёплое и молниеносно вытащила это упирающееся существо на середину помещения. Все удивлённо смотрели на чёрного упитанного кота с белым пятном на груди. Кот с независимым видом пытался стряхнуть паутину с усов, однако Лучиана с шипением прижала его покрепче к полу.

– Шпионишь? – недобро осведомился Маршал, нервно подрагивая кончиком хвоста.

Глава восьмая, в которой котектив попадает в лёгкий переплёт

Лучиана, словно пушистая гибкая тень, скользнула вокруг Ричи, прижатого к полу тремя парами крепких лап. После беглого осмотра хвостатого нарушителя она разочарованно мяукнула:

– Этот гражданский выглядит не опасней копчёной селёдки. Да слезьте вы уже с него!

«Маусхантеры» нехотя выпустили Ричи из своей хватки, но далеко не отошли, а расположились кружком, недовольно урча из темноты корабельного трюма. Котектив, не теряя ни секунды, принялся приводить в порядок шёрстку, пострадавшую во время неприятного инцидента. Маршал чуть подался вперед и, прищулив жёлтые глаза, презрительно оглядел задержанного:

– Ты что здесь рразнюхивал на закррытой террриторрии? Для вас, грражданских, есть верхние палубы, вот и сидите там со своими «двуногими».

Такое пренебрежение обидело Ричи не на шутку, он даже почувствовал, как шерсть на загривке встаёт дыбом от недовольства. Что бы этот надутый котяра тут ни воображал, он, Ричи, не какой-нибудь одуревший от безделья отдыхающий, случайно залезший в трюм.

– Вообще-то, – он старался выглядеть максимально солидно и внушительно, – я занимаюсь расследованиями и в данный момент осматриваю корабль на предмет безопасности. Исследую помещения трюма.

Маршал пренебрежительно фыркнул и несколько раз резко махнул хвостом.

– На «Агиа Елени» работает команда пррпрофессиональных «маусхантеров». За безопасностью здесь следим мы, моррские котики, так что нечего тут исследовать. Мой тебе совет, грражданский, беги в каюту к своему «двуногому» и исследуй там свою миску на предмет сухого корма. Ха-ха-ха!

Морской котик, довольный своей шуткой, даже несколько раз стукнул передней лапой по полу, мол, вот умора. Великан Элефант тоже потешался от души. Даже невозмутимый Рон хмыкнул пару раз. Но Ричи не привык просто так отступать перед всякими заносчивыми котами, даже если они котофицеры в группе отважных морских котиков. Да и ударить в грязь мордочкой перед загадочной поджарой кошкой, которая с интересом следила за разговором, гордость не позволяла. Он смело сделал шаг вперёд, навстречу Маршалу, и как ни в чем не бывало продолжил:

– Я тут услышал краем уха, что вы готовите боевую операцию, и решил, что могу пригодиться вам в этом опасном деле. Я не робкого десятка, и лишние лапы вам не мешают.

Но в ответ последовал лишь новый взрыв хохота, котики, к досаде Ричи, чуть не показывались со смеху:

– Грражданский, ты что-то перепутал, здесь проводится спецоперация, а не охота на воробышков. Это работа для пррпрофессионалов, и грражданским здесь не место. Нам неохота возиться с тобой, беги скорее наверх, не то мышки хвостик отгрызут!

И Ричи оставалось только поплестись прочь, глухо урча от обиды. Ничего, он им ещё покажет, ещё посмотрим, кто мяукнет последним.

Элефант поглядел вслед странному незнакомцу и снова фыркнул со смеху:

– Вот ведь повезло нам с пассажирами, сплошные клоуны! Ха-ха!

Но в этот момент все кошки одновременно насторожились, Лучиана мгновенно запрыгнула на ящик с грузом и наострила уши – из соседнего отсека слышались возня и гадкий писк. Маршал взмахом хвоста отдал группе приказ собраться.

– Вперрред! Атакуем с разных сторон, согласно плану! – прошипел он командным голосом, и коты бесшумными тенями двинулись, каждый на свою позицию.

Ричи обернулся, привлечённый шумом, и замер, вглядываясь в темноту. Из отсека, куда направились котики, раздался дикий крысиный писк и визг, сопровождаемый грохотом падающих ящиков и победным кошачьим мяуканьем. Это здоровяк Элефант прорвался к тёмному иллюминатору и спихнул башню тяжёлых ящиков на копошившихся внизу крыс.

Остальные котики тоже не отставали, с трёх сторон отлавливая пытавшихся спастись бегством серых грызунов. Но вскоре у отважных котиков прибавилось противников. Ричи разглядел, как из-под поддона с мешками сплошным серым потоком полезли огромные боевые крысы, жившие в перекрытиях судна. Эти твари были каждая размером не меньше болонки и с длинными жёлтыми зубами. Рон и Маршал, опытные борцы с грызунами, чьи шкурки украшало множество шрамов, полученных в поединках с крысами и другими котами, смело выступили против грозного врага. Но численный перевес явно был на стороне серого войска. Останелo пицца, боевые крысы потеснили разрозненные силы «маусхантеров», и вскоре котектив услышал, как Маршал мяукает отступление.

Морские котики один за другим появились в отсеке и собрались кружком, тяжело дыша и вылизывая потрёпанные в передраге шкурки. Маршал отвлёкся от своей укушенной лапы и скомандовал:

– Перррегруппироваться! Мы сражались отважно, но пррротивник применил тяжёлую пехоту и вынудил нас совершить ммм... эээ...

– Бегство? – ехидно осведомилась Лучиана.

– Отставить! – возмутился Маршал. – Это было не бегство! Это было наступление назад! Нам просто нужно немного изменить тактику и снова идти на прорыв.

Лучиана хотела было возразить что-то, но в этот момент заметила Ричи, затаившегося между ящиков.

– А, грррражданский, снова вынюхиваешь что-то! Тебе же велели уносить лапы отсюда!

Маршал грозно сверкнул жёлтыми глазами и двинулся в сторону надоедливого чёрного кота. Но между ними неслышным мгновенным движением оказалась гибкая фигурка Лучианы. Кошка смерила замершего Ричи зелёным сияющим взглядом и неожиданно обратилась к нему, мелодично мурлыкая:

– Погоди уходить, гражданский. Может быть, от тебя и вправду будет толк. Хочешь показать, на что ты способен? Пошли с нами в следующий прорыв, или боишься, что хвост отгрызут?

Ричи, которого после такого вызова волна решимости захлестнула до самых кончиков ушей, стремительно выпрыгнул из темноты своего укрытия и грозно мяукнул:

– В прорыв... Что ж...

Морские котики за спиной у Лучианы возмущённо замыкали на разные лады, недовольные такой наглостью. В этот момент, привлечённые шумом, подали голос крысы. Они возмущённо пищали, лишившись возможности отомстить обидчикам, но покидать тёмную часть трюма не решались, скаля гадкие зубастые морды на границе света и тени. От этого жуткого зрелища вся решимость Ричи куда-то мигом испарилась. Он резко развернулся и, будто вспомнив о каком-то очень неотложном деле, резвой рысью поспешил к спасительному люку.

Лучиана смотрела ему вслед с таким видом, будто на неё вылили ведро холодной воды. Мордочка вытянулась, а в глазах читалось недоумение. Наконец она выдавила из себя:

– Куда же ты?!

– Я неожиданно вспомнил о своём расследовании, то есть исследовании, – мяукнул на бегу Ричи. – Я услышал странный звук, нужно срочно проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.